ЕЛЕНА ЛАДИНА

ВОСКРЕСЕНЬЕ

без смены

Елена Ладина
Воскресенье без смены

https://litres.ru/74791828
SelfPub; 2026

Аннотация

Тамара всегда знала, что сказать сыну: почему отец не приехал, как долго выбирал подарок, как гордится его первой работой. Самые тёплые отцовские сообщения тоже писала она. Ей казалось, так Саве будет легче вырасти.

Теперь ему двадцать семь, до свадьбы осталось три недели, и случайный разговор о подарке заставляет его пересмотреть собственное детство. Сава уезжает, перестав отвечать на звонки. Его невеста остаётся с гостевым списком и вопросом, хочет ли она ждать человека, который решает всё один.

Тамара привыкла спасать семью делами. Но ни купленный костюм, ни оплаченный банкет, ни ещё одно правильное сообщение уже не помогут. Впервые ей придётся говорить только за себя и услышать ответ, которого она не выбирала.

Содержание

Глава 1. Подарок от отца 4
Глава 2. Четвёртое место 12
Глава 3. Ранняя смена 20
Глава 4. Старый телефон 27
Глава 5. То, чего он не говорил 35
Глава 6. Примерка 49
Глава 7. Белые нитки 56
Глава 8. Утро без ответа 66
Глава 9. Кому звонить 77
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Елена Ладина
Воскресенье без смены

Глава 1. Подарок от отца

Когда Артём позвонил, я держала курицу над раковиной и не могла сразу взять телефон. Он лежал экраном вверх возле хлебницы, подпрыгивал от вибрации, и я успела подумать, что надо было подложить под него салфетку. По воскресеньям я вставала без будильника, но всё равно раньше шести. В этот раз к десяти у меня были сварены яйца, вымыта зелень и вынуты из шкафа три одинаковые тарелки. Четвёртая оставалась на полке: Артём ещё в пятницу обещал заехать, но я не хотела ставить за него посуду заранее.

Я положила курицу в форму, вымыла руки, вытерла их о полотенце. На экране уже появился пропущенный звонок. Почти сразу он набрал снова.

— Тамар, ты дома?

— Дома. Что?

— Слушай, я сегодня не успеваю. Они к тебе во сколько собирались?

Савелий с Эльвирой должны были прийти к двенадцати. За три недели до свадьбы они хотели посмотреть старые фотографии и забрать альбом: Эля собирала несколько сним-

ков для небольшого слайд-шоу. Я предлагала дать ей всё сразу, но сын сказал, что сам выберет. У меня были фотографии, которые он не любил: без передних зубов, после ветрянки, с пакетом на гипсе. Для меня они оставались хорошими, для него — нет.

— К двенадцати. Ты говорил, приедешь.

— Я помню, что говорил. Тут с машиной вопрос, надо до обеда решить.

Из трубки доносились чужие мужские голоса. Кто-то попросил его отойти от ворот. Артём сказал «сейчас» — не мне — и снова заговорил ближе к телефону:

— Мне надо, чтобы ты одну вещь сделала. В том магазине, где Сава себе дрель брал, есть набор. Он присылал фотографию, я тебе сейчас перешлю. Набор хороший, профессиональный. Купи от меня, а я тебе переведу.

Я посмотрела на часы над холодильником. Секундная стрелка шла с заметным усилием, и я в очередной раз решила заменить батарейку. До прихода детей оставалось меньше двух часов. До магазина надо было ехать, потом ждать продавца, проверять комплект, возвращаться. Я ещё не поставила курицу в духовку.

— Купи сам.

Артём не ответил. Я слышала, как он выдохнул, будто подносил телефон ко рту не для разговора, а чтобы согреть руки.

— Тамар, я же объясняю: не успеваю.

— Тогда купи в другой день.

— Я хочу сегодня подарить. Мы договаривались встретиться, он рассчитывает.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что в его словах не было намеренного издевательства. Он и правда считал, что, если я вручу сыну коробку, встреча отчасти состоится. Будет подарок, будет его имя, Савелий напишет спасибо. Вечером Артём ответит голосовым сообщением: «Пользуйся, сын». Я знала даже интонацию.

— Он рассчитывает тебя увидеть.

— Увидит. Не сегодня, так завтра. Ты чего с утра такая?

За окном во дворе кто-то вытряхивал половик с балкона. Я отступила от открытой форточки, хотя пыль до моей кухни долететь не могла. На кухонном столе лежали нарезанные огурцы, кончики потемнели на срезах. Нужно было накрыть их.

— Нормальная я. Просто не поеду.

— Тебе тяжело, что ли? Я оплачу такси.

— Не в такси дело.

— А в чём? Если ты из-за того перевода, я говорил — в понедельник. Не надо сейчас всё в одну кучу.

Перевод был за половину денег, которые он обещал сыну на свадьбу. Савелий не просил меня напоминать. Артём сам сказал мне неделю назад: «Ты пока внеси, я после расчёта закрою». Я не внесла. У меня были отложены деньги на собственный подарок, и я впервые не стала сообщать ему, сколько именно.

— Артём, я ничего не складываю. Ты хочешь сделать подарок — сделай.

В прихожей повернулся ключ. У сына остался свой, ещё с тех пор, когда он жил со мной. Он всегда предупреждал, прежде чем открыть дверь, но в этот раз я не услышала ни звонка, ни сообщения. За стеной зашуршал пакет, затем Савелий сказал:

— Мам, это мы. Раньше получилось.

Артём тоже услышал.

— Ну вот, они уже там. Тем более можешь вместе с ним съездить, он выберет, что надо.

Савелий вошёл в кухню, поставил на стол пакет с черешней. Он был в серой футболке, в которой я когда-то вшивала лопнувший под мышкой шов, и выглядел удивительно молодым для человека, собиравшегося жениться. В двадцать семь лет он уже сменил две работы, снял квартиру, научился не рассказывать мне о каждом порезе на руке, а я всё ещё замечала знакомые вещи раньше его лица.

— Это папа? — спросил он.

Я кивнула.

— Пусть сам тебе скажет, — сказала я в трубку. — Он рядом.

— Да я за рулём сейчас буду. Передай, что позже наберу.

— Подожди.

Я протянула телефон сыну, но Артём уже отключился. На экране высветилась фотография набора в чёрном пластико-

вом чемодане. Под ней он успел написать: «Вот этот. Только уточни, там две батареи».

Савелий прочёл сообщение прежде, чем я погасила экран.

— Он тебе инструменты покупает?

— Тебе хотел.

— Через тебя?

Я положила телефон рядом с хлебницей, подальше от влажного места. Эльвира осталась в прихожей. Она разговаривала с кем-то по своему телефону, снимала босоножки, придерживая пяткой одну лямку. Я слышала её негромкое «нет, вечером пришлю» и радовалась, что она ещё не вошла.

— Он сегодня не приедет, — сказала я. — У него дела с машиной.

Савелий не посмотрел на пустое место за столом. Он вообще редко показывал, что ждёт отца. С детства научился спрашивать вскользь: «А папа успеет?» — и сразу браться за что-нибудь другое. Теперь он вынул черешню из пакета и понёс к раковине.

— Понятно.

— Я ему сказала, чтобы сам покупал.

Вода ударила по ягодам, несколько штук выскочили на металлическое крыло мойки. Сын убавил напор. Мне захотелось забрать у него дуршлаг: я зачем-то подумала, что он вымоет черешню недостаточно тщательно. С этим желанием было проще справиться, чем с тишиной между нами. Я отнесла курицу к духовке, выставила температуру, проверила,

нет ли внутри противня.

— А раньше ты покупала? — спросил Савелий.

— Что?

— Подарки от него.

Я закрыла дверцу духовки осторожнее, чем требовалось.

— Когда он не успевал. Бывало.

— Какие?

— Сейчас уже не вспомню. Сав, возьми миску, вода на стол потечёт.

Он взял миску. Поставил в неё дуршлаг. Не отступил от вопроса, как я надеялась.

— Дрель тоже ты?

Дрель он купил себе сам. Я могла честно сказать «нет» и на этом задержаться. Вместо этого ответила слишком быстро:

— Нет, дрель ты сам покупал. Ты же помнишь.

— Я про первую. Зелёную. На двадцать лет.

В коридоре Эльвира закончила разговор. Я позвала её мыть руки. Она сказала, что уже вымыла, и вошла, задержавшись на пороге. У неё были собраны волосы, на переносице остался след от очков. Она утром работала из дома и теперь принесла с собой ту собранность, которую я всегда принимала за спокойствие.

— Здравствуйте, Тамара, — сказала она и поцеловала меня в щёку. — Мы поможем. Что делать?

— Ничего пока. Садитесь. Чай сейчас поставлю.

Савелий смотрел на меня. Эля заметила это, но не стала спрашивать. Она взяла с подоконника сухое полотенце, вытерла рядом с мойкой и передвинула миску. Я почему-то ощутила благодарность за этот маленький порядок и тут же обиделась на себя: мне казалось, они пришли ко мне в гости, а я уже вынудила их ходить осторожно.

— Зелёную покупала я, — сказала я наконец. — Он деньги дал.

Это была не вся правда. Деньги он дал позднее и не всю сумму. Остаток я никогда не просила, потому что подарок успели вручить, Савелий успел обрадоваться, а напоминать через два месяца о двух тысячах казалось некрасиво. Я не собиралась начинать воскресенье с подсчёта долгов. Но сын спросил не о деньгах.

— Он говорил, полдня с продавцом выбирал.

Я помнила этот вечер. Помнила, как Артём сидел на краю Савиной кровати, разбирал чемоданчик и показывал переключатель. Я стояла в дверях, слушала и молчала. Мне нравилось, что они наконец заняты чем-то вдвоём. Нравилось сильнее, чем мешало его враньё.

— Он хотел тебе приятное сделать.

Савелий медленно отвернулся к окну.

— Мам, я не это спросил.

Я впервые за всё утро по-настоящему увидела его лицо. Он не сердился, во всяком случае ещё не так, как я умела распознавать. Он будто проверял знакомый звук и не нахо-

дил ему места. Я могла сейчас сказать: да, продавец был со мной, я выбрала, я принесла, а отец только вручил. Обычные слова. Но Эля стояла рядом, на столе лежала черешня, через три недели должна была состояться свадьба. Я подумала, что для такого разговора существует более подходящее время, хотя прежде не пыталась его найти.

— Я с ним потом поговорю, — сказала я.

— Зачем? Я с тобой разговариваю.

Телефон снова завибрировал. Артём прислал ещё одно сообщение: «Если что, можешь заказать, я вечером заберу».

Я перевернула его экраном вниз. Савелий заметил и это.

— Ладно, — сказал он. — Давай альбомы посмотрим.

Мне бы обрадоваться, что он сам предложил другое занятие. Я столько лет считала способность перевести разговор полезной, почти обязательной для семьи. Но теперь сын вышел из кухни, Эльвира пошла за ним, а я осталась рядом с телефоном и не могла сразу вспомнить, зачем включила чайник.

На верхней полке шкафа стояла четвёртая тарелка. Я сняла её, вытерла край, хотя она была чистая, и поставила обратно.

Глава 2. Четвёртое место

Альбом с маленьким Савой закрывался плохо. Внутри были не только фотографии: я прятала туда школьные грамоты, билеты в цирк, открытку с отпечатком его ладони. Савелий положил альбом на журнальный столик и придерживал обложку локтем, пока Эля снимала на телефон нужные страницы. Я присела на край дивана, оставив между собой и сыном место, хотя никто туда садиться не собирался.

— Вот эту можно? — спросила Эля.

На снимке Сава стоял в клетчатой рубашке, широко расставив ноги. Рядом лежал синий велосипед с ещё не снятыми боковыми колёсами. Фотография была немного кривой: я снимала, прижав к плечу сумку с продуктами.

— Можно, — сказал он. — Только без второй, где я упал.

— Второй тут нет, — ответила я.

Она была. Я переставила её в другой альбом, когда он в пятнадцать лет попросил не показывать друзьям его «позорище». Теперь мне казалось, что зря уступила: ребёнок сидел на траве, потирал локоть, и ничего унизительного в этом не было. Но я промолчала.

Эля придвинулась ближе к окну. Ей мешал блик на прозрачной плёнке. Она аккуратно вынула снимок и поднесла его к свету, придерживая за края. У неё были короткие ногти без лака. Я вспомнила, что в салон перед свадьбой она запи-

салась только на стрижку, а на моё предложение подарить ей маникюр ответила: «Спасибо, но я сама решу, ладно?» Тогда это прозвучало жёстче, чем ей, наверное, хотелось. Я неделю думала, как легко обидеть будущую невестку, а потом она принесла мне клубнику и попросила научить варить варенье без целых ягод. У нас получалось знакомиться понемногу, без особенной близости и без вражды.

— Этот папа привёз, — сказал Савелий, показывая на велосипед. — Из Волгограда. Я помню, ждал у окна.

Я посмотрела на фотографию. Колёса были с белыми ободами; возле руля виднелась красная наклейка, которую Сава через неделю отодрал. Велосипед продавался в магазине в двух остановках от нашего дома. Я вела его по тротуару, цепляя педалью ногу, а сын в это время сидел у моей сестры Марины.

— Он тогда из поездки возвращался, — сказала я.

— Я и говорю.

Эля сняла фотографию, вернула её под плёнку. Никакого вопроса мне никто не задал. И всё же я почувствовала, что снова участвую в том же самом, только теперь уже понимаю это с первой секунды.

— Сава, велосипед я здесь купила.

Он поднял глаза.

— Как здесь?

— В магазине возле старого рынка. Папа в тот день приехал, да. Но велосипед был уже дома.

— А зачем вы сказали, что он привёз?

Я сжала край диванной подушки. У неё расходилась молния, я собиралась давно заменить бегунок и почему-то именно сейчас вспомнила, где лежит коробка с нитками.

— Ты так обрадовался. Ты ведь ждал его.

Сын опустил взгляд на альбом.

— Я помню, как он рассказывал, что в багажник не помещался.

— Мог перепутать.

Слова выскочили сами. Я не успела решить, кого имею в виду: Саву или Артёма. Оба варианта были плохими. Эля перестала листать страницы.

— Я не перепутал, — сказал сын. — Он ещё говорил, что пришлось коробку порвать.

Я помнила и коробку. Она неделю стояла за шкафом на балконе, пока я не разрезала картон кухонными ножницами. Артём увидел куски, когда вышел покурить, спросил, зачем я храню мусор. Потом перенёс выдуманную коробку в свою машину, в свою поездку, в рассказ сыну. Я не поправила. Мне было приятно, что Савелий крутится вокруг него и задаёт вопросы.

Из кухни донёсся щелчок духовки. Я поднялась слишком резко.

— Курицу надо посмотреть.

— Мам.

Я остановилась.

— Это тоже он деньги дал?

— За велосипед — нет.

Савелий долго ничего не говорил. Я стояла между диваном и дверью и чувствовала себя нелепо: хозяйка собственной квартиры, взрослая женщина, которая могла уйти на кухню, но ждала, позволят ли ей это сделать.

— Зачем? — повторил он.

— Чтобы ты не думал, что ему всё равно.

— А ему было всё равно?

— Я не знаю, Сава. Не знаю, что у него было внутри. Он работал, ездил. Иногда забывал. Это не значит, что не любил.

— Я про велосипед спросил.

Я снова не ответила на тот вопрос, который он задавал. Мне легче было рассуждать о любви Артёма, чем произнести, что именно я предложила вручить велосипед от его имени. Он даже удивился: «А что, так можно?» Я сказала: «Можно, только скажи хоть что-нибудь нормальное». Нормальное он придумал сам.

Я вернулась в кухню, достала форму, полила курицу соком. На руке остался горячий след от края прихватки. Я подержала запястье под прохладной водой и стояла так дольше, чем требовалось. Из комнаты не доносилось голосов. Потом Эля негромко сказала: «Вот эту оставим, здесь вы оба хорошо получились». Я не знала, о какой фотографии она говорит, и впервые не пошла посмотреть.

За столом Савелий сел на обычное место, спиной к холо-

дильнику. Эля — напротив него. Я поставила перед ними салат, картошку, курицу и отодвинула четвёртый стул к стене. Сын проводил его взглядом.

— Ты же знала, что он может не приехать.

— Мог и приехать.

— Мог.

Эля попросила передать хлеб. Я отрезала ей два куска, хотя она сказала «немного». Рядом с ножом лежал листок, на котором я записывала, что осталось сделать до свадьбы. Забрать карточки с именами гостей, подшить платье, купить упаковочную бумагу, уточнить, понадобится ли маме Эли такси. Последний пункт я добавила без просьбы. Ирина Маркина жила в Саратове, умела пользоваться такси и не нуждалась во мне как в перевозчике, но я любила заранее закрывать всё, что могла.

— Ирина во сколько приедет на регистрацию? — спросила я.

— Мы ещё не решили, — ответила Эля.

— Я просто думаю, может, её вместе с Мариной…

— Она сама доедет. Спасибо.

Я кивнула. Савелий почти не ел. Он разрезал картофелину на четыре части, одну положил в рот, остальные оставил. Сын всегда приходил ко мне голодным, даже когда уверял, что уже пообедал. Я приготовила больше обычного, хотела дать им контейнер с собой. Теперь смотрела на его тарелку так, словно количество съеденного могло объяснить, на-

сколько всё серьёзно.

— Сав, я ведь не со зла, — сказала я.

Эля опустила вилку. Сын посмотрел на неё, потом на меня.

— Я понимаю.

Это должно было успокоить. Но он произнёс так ровно, что я не нашла, за что зацепиться.

— Ты был маленький. У других отцы приходили, а ты ждал. Я не хотела, чтобы ты…

— Я сейчас не маленький.

— Конечно. Я про тогда.

— А утром ты тоже про тогда с ним говорила?

Я замолчала. На его щеке возле уха был свежий порез после бритья. Мне захотелось спросить, не старый ли у него станок, и я испугалась, до чего легко могу увести себя в сторону.

Эля доела, убрала свою тарелку и спросила, можно ли взять альбомы на несколько дней. Я сказала, что можно, только не потеряйте маленькие фотографии, они выпадают из уголков. Она принесла из прихожей тканевую сумку и стала складывать их туда. Савелий помогал молча.

— Там в верхнем ящике ещё телефон старый, — сказала я. — На нём много снимков, которые я не распечатала. Если включится.

— Твой?

— Наш старый. Потом мой. Ты же мне его настраивал,

когда себе новый купил.

Он помнил. Это был тёмный телефон в потёртом чехле, которым я пользовалась после развода. До этого он какое-то время лежал дома как запасной: Артём менял аппараты чаще, чем я успевала привыкнуть к своему. На нём оставались фотографии, семейная почта, старые сообщения, которые я не удаляла из той же нерешительности, из какой не выбрасывала детские ботинки.

Я сама вынула телефон и принесла зарядное устройство. Сын подключил его в розетку под телевизором. Экран зажёгся не сразу. Мы постояли рядом, дожидаясь значка батареи, как будто от этого небольшого события зависело, сможем ли мы нормально закончить день.

— Код прежний? — спросил он.

— Да. Забирай. Только обратно потом принеси, там мои номера могут быть.

Он отключил зарядку, убрал её вместе с телефоном в сумку. Я предложила курицу с собой. Эля взяла контейнер, Савелий сказал, что хватит одного. На пороге он наклонился и поцеловал меня в висок. Обычно я касалась его плеча, задерживала на секунду. В этот раз оставила руки вдоль тела.

— Напиши, когда домой доедете, — попросила я.

— Напишу.

Он написал через сорок минут: «Мы дома». Я ответила сердечком, потом стёрла его и отправила: «Хорошо».

После обеда я вымыла посуду и села в комнате. Артём

прислал сообщение, что освободился и может заехать вечером, если дети ещё у меня. Я написала: «Ушли». Он спросил, заказала ли я набор. Я ответила: «Нет».

Никакого большого решения я в тот день не чувствовала. Я просто сидела в тихой квартире и вспоминала коробку от велосипеда. В моей памяти она всё ещё стояла за шкафом, хотя самого шкафа давно не было.

Глава 3. Ранняя смена

В понедельник я пришла в парк в половине пятого. Дежурный у ворот ещё не убрал кружку с подоконника, и чай в ней был тёмный, с неподвижной плёнкой. Я поздоровалась, прошла к нашему зданию и остановилась на ступеньках, чтобы найти пропуск. Он лежал в наружном кармане, где лежал всегда, но я успела перерыть сумку и вынуть контейнер с завтраком.

В диспетчерской было душно. Ночной диспетчер Володя открыл форточку, но воздух почти не двигался. На его столе стояла бутылка воды, сдавленная посередине, а рядом лежала ручка без колпачка. Он передал мне смену, назвал машины, которые вернулись позднее обычного, и отдельно напомнил о замечании по одной из них. Я записала, хотя могла прочитать в журнале. Мне было легче, когда сведения ещё раз проходили через мою руку.

— Механик знает, — сказал Володя. — Утром посмотрят. Не считай её на выпуск, пока не подтвердят.

— Поняла.

Он замешкался у двери.

— У тебя сын когда женится?

— Двадцать седьмого.

— Скоро уже.

— Скоро.

Я улыбнулась ему, как улыбалась всем, кто спрашивал о свадьбе. Ночью почти не спала. Ложилась на один бок, вспоминала Савин вопрос, переворачивалась и пробовала ответить на него лучше. В четыре утра оказалось, что я придумала целую речь о трудных девяностых, командировках Артёма и ребёнке, которому необходим отец. Велосипед мы купили уже в другие годы, когда у обоих была постоянная работа. Это меня отрезвило сильнее, чем холодная вода.

На рабочем столе лежал график. Я провела пальцем по своей фамилии и отметила для себя воскресенье, четырнадцатое: выходной. Выходной на день свадьбы мне согласовали заранее, хотя перестановка далась непросто. Галина Павловна Кожина взяла часть моих часов, а я обещала выручить её в июле, когда дочь ляжет на плановую операцию и Галине понадобится сидеть с внуком. Мы знали цену таких обменов и не называли их пустяком.

К пяти начались звонки. Один водитель уточнял, на какой машине выходит, другой сообщал, что задерживается на подъезде к парку. Я передавала сведения, сверяла отметки, отвечала на вопросы. В какой-то момент всё стало обычным: голос в трубке, номер, время, короткая запись. На работе чужое опоздание имело причину, последствия и предел моих возможностей. Я могла запросить резерв, сообщить начальнику смены, передать информацию. Не могла сделать так, чтобы автобус оказался на линии раньше, чем был готов.

К шести позвонил водитель, который стоял у механика.

— Тамара, меня пока не выпускают.

— Знаю. Жди решения.

— По графику уже пора. Может, один круг, а потом…

— Нет. Сначала допуск. Я дальше передам.

Он не спорил. Я положила трубку и поймала себя на том, что дома мне произнести «нет» вчера было труднее, чем сейчас, когда из-за задержки могли недовольствовать десятки людей. Дома любое «нет» будто требовало доказать, что я всё ещё хорошая.

В семь пришла Галина. Она работала позже меня, но заглянула забрать запасную кофту, забытую в пятницу. Дочь снова поругалась с мужем, и Галина рассказывала об этом, не называя виноватого, пока я отвечала на звонок. Она умела ждать: садилась на край свободного стула, смотрела в окно, продолжала с того места, где остановилась.

— Не буду к ним сегодня ездить, — сказала она, когда я освободилась. — Пусть сами. Мне шкаф привезут.

— Они же опять до ночи…

— Возможно. А шкаф только сегодня могут.

Я кивнула и поправила лист на столе. Мне хотелось рассказать про вчерашнее, но я не знала, откуда начинать. Если сказать «Сава обиделся из-за подарка», получится, что он мелочный. Если сказать «я врала ему», Галина услышит то, чего я сама ещё боялась.

— Артём опять не приехал, — произнесла я.

Галина посмотрела на меня поверх очков.

— К тебе?

— К Саве. Они были у меня.

— А ты тут при чём?

Я открыла рот и закрыла. Она не пыталась меня уязвить. Просто ещё не понимала, почему я рассказываю об этом таким голосом.

— Подарок попросил купить от него. Я отказалась.

— Ну и правильно.

Этих слов я, наверное, и ждала. Но они не принесли облегчения. Я сделала один правильный шаг вчера утром, а всё остальное оставалось со мной.

— Сава спросил, покупала ли я раньше.

— Покупала?

— Да.

Галина помолчала. За стеной кто-то двигал металлический стул. Я услышала царапанье по полу слишком отчётливо.

— Много?

— Не знаю. Не считала.

— А зачем?

Тот же вопрос. На работе, среди журналов, он прозвучал проще, чем в моей квартире. Я не могла ответить фотографией счастливого мальчика или рассказом о том, как Артём вручил ему велосипед.

— Чтобы он не ждал зря.

— Он всё равно ждал человека, Тамар.

Я отвернулась к монитору. Галина заметила, что попала в больное, и не стала развивать мысль. Она взяла кофту, сказала, что курьер уже звонит, и ушла. У неё действительно был шкаф. Эта несвоевременная, обыкновенная доставка почему-то помогла мне не расплакаться: чужая жизнь не остановилась от того, что я не сумела объяснить свою.

В перерыв я достала телефон. Савелий ничего не писал. Эля прислала две фотографии, которые выбрала из альбома, и спросила, в каком году мы ездили на Волгу с палаткой. Я начала печатать: «Когда Саве было девять». Потом увеличила снимок. На нём была старая Маринина палатка, синяя эмалированная кружка и Савина кофта с белой молнией. В первый день Артёма с нами не было. Он приехал на следующий день, забрал сына на несколько часов, потом они вернулись с рыбой, купленной по дороге. Сава долго рассказывал, как они поймали её вдвоём. Я знала о магазине, потому что Артём привёз чек в кармане куртки и попросил выбросить.

Я не ответила сразу. Сначала доела бутерброд, хотя хлеб крошился и застревал в горле. Потом написала: «Лето, когда ему было девять. Точный месяц не помню». Это было правдой. О рыбе меня не спрашивали.

После смены я поехала за карточками рассадки. В маленькой мастерской работала женщина по имени Оксана, младше меня лет на десять. Мы виделись дважды: когда выбирали бумагу и когда я принесла список гостей. Эля просила обойтись без лишнего декора, а я настояла хотя бы на хороших

карточках. Заказ оформила на себя и оплатила из собственных денег. Мне казалось, это та часть свадьбы, в которой я могу сделать что-то красивое и никому не помешать.

Оксана раскрыла коробку. На кремовой бумаге были напечатаны имена, без фамилий, тонким тёмным шрифтом. Я перебрала несколько карточек, остановилась на «Артём».

— Всё нормально? — спросила Оксана.

— Да. Я только проверю.

Рядом лежала «Тамара». По первоначальной схеме нас собирались посадить за одним столом с родителями Эли. Мы с Артёмом были разведены одиннадцать лет, но за праздничным столом это не имело значения: родители жениха. Я ни разу не предложила сесть отдельно. Представила, как он поправляет пиджак и встаёт со своей речью, а я сижу рядом, следя, не забыл ли он самое важное.

— Можно одну карточку ещё допечатать потом? — спросила я.

— Можно. Только заранее напишите, не в последний вечер.

Я сказала, что поняла, и закрыла коробку. Никакого нового гостя у нас не было. Я просто проверяла, можно ли что-то изменить, не объявляя всем причины.

Дома я поставила коробку в шкаф, где раньше лежали альбомы. Телефон зазвонил, пока я переодевалась. Савелий.

— Мам, старый телефон включился.

— Хорошо. Фотографии есть?

— Есть. Я вечером зайду, ладно?

Я сразу стала вспоминать, что есть в холодильнике.

— Конечно. Один или с Элей?

— Один.

— Ты поел?

— Мам, я зайду поговорить.

Мне показалось, что в комнате стало жарче. Я села на край кровати, держа в руке домашнюю футболку.

— Хорошо.

После звонка я вспомнила переписку с Артёмом. Она оставалась на том телефоне — старые сообщения, которые я переносила с одного аппарата на другой, пока наконец не перестала. Среди них были мои длинные поздравления Саве, отправленные Артёму с просьбой: «Скопируй и пришли ему от себя». Я не забыла, что делала это. Я только не думала об этих сообщениях, когда отдавала телефон.

Я могла позвонить и спросить, зачем он читал чужое. Могла потребовать вернуть аппарат. Обе мысли возникли раньше, чем мысль о том, что сын уже прочитал. Я положила футболку на колени и осталась сидеть. До его прихода было несколько часов. Впервые за долгое время мне не хотелось заполнять их делами.

Глава 4. Старый телефон

Савелий пришёл без пакета и без предупреждения в домофон. Позвонил в дверь, хотя ключ был при нём. Я успела посмотреть на часы: половина восьмого. В прихожей пахло нагретой за день обувью, я оставила балкон открытым, но сквозняка не было.

— Привет, — сказал он.

Я отступила, пропуская его. Сын снял кроссовки, поставил их рядом, не разуваясь кое-как, как делал прежде, когда уставал. В руке у него был старый телефон. Зарядка свисала из кармана, и он заправил провод внутрь, чтобы не зацепить ручку двери.

— Чай будешь?

— Потом.

Мы прошли в комнату. Я села в кресло, он — на диван. Между нами стоял журнальный столик, пустой после вчерашних альбомов. Савелий положил телефон на стол, но не сразу включил экран.

— Я читал твою переписку с папой.

Мне хотелось, чтобы он начал иначе. Показал сообщение, спросил, что оно значит. Тогда можно было бы говорить о частностях, а не признавать всё сразу.

— Я тебе его для фотографий дала.

— Знаю. Сначала смотрел фотографии. Потом открыл со-

общения. Сам открыл, не случайно.

Он не стал оправдываться сбоем телефона или случайным нажатием. Это лишало меня удобного повода возмутиться сильнее.

— Это моя переписка, Сава.

— Да. Я не должен был. Но прочитал. Теперь можешь ответить?

Я не знала, на какой именно вопрос. Он провёл пальцем по экрану, увеличил яркость и подвинул телефон ко мне. Сообщение было короткое, моё: «Отправь ему сегодня, пожалуйста. Он ждёт. Только убери кавычки».

Выше стоял длинный текст. Я узнала его по первой строке: «Сын, у тебя сегодня важный день». Савелий окончил колледж и устраивался на первую постоянную работу. Артём тогда был в разъездах. Я вечером написала поздравление, перечитала, убрала обращение «Савушка», потому что отец так не говорил, и отправила ему.

Сын забрал телефон, прочёл несколько строк вслух:

— «Я знаю, что ты умеешь доводить дело до конца. Даже когда никто не смотрит. Это главное, что я хотел тебе передать». Это ты?

— Я.

Он кивнул, как будто отмечал факт, который уже знал, но всё ещё надеялся опровергнуть.

— И вот это? «Ты можешь мне звонить в любое время, не думай, что помешаешь».

— Да.

Савелий положил телефон себе на колено. Большой палец держал край чехла, где давно отошла резина.

— Я ему потом позвонил, — сказал он. — Помнишь?

Я помнила только, что он ходил по комнате с телефоном. Вечером мы ели пиццу, которую заказали впервые за несколько месяцев. На улице шёл дождь, и коробку привезли с мокрым углом. Больше я вспомнить не могла.

— Наверное.

— Он не взял. Потом написал, что занят. Я подумал, правда неудобно попал. Через неделю ещё позвонил.

Я смотрела на его руки. На указательном пальце правой была старая белая полоска от пореза. В детстве я знала происхождение каждой ссадины; теперь не знала даже, когда появилась эта. И всё же считала себя вправе решать, какие слова отца ему нужны.

— Он мог быть занят, — сказала я.

Савелий закрыл глаза. Ненадолго, просто на секунду, будто я включила слишком яркий свет.

— Мам, не надо сейчас.

Я прикусила губу и кивнула.

Он пролистал дальше. Я не смотрела в экран, но по его лицу пыталась понять дату.

— Здесь про соревнования. «Я видел запись, ты хорошо держался». Он видел?

Речь шла о небольшом городском турнире, в котором Са-

ва участвовал ещё в школе. Он недолго занимался борьбой, не стал чемпионом, но тогда выиграл две схватки и проиграл третью. Артём обещал прийти. Я сидела на скамье, снимала дрожащей рукой, а Сава после каждой схватки искал нас обоих. Вечером я отправила Артёму видео. Он ответил, что посмотрит позже. Поздравление я написала, не дождавшись ответа о просмотре.

— Я не знаю.

— Ты написала, что видел.

— Да.

— И что гордится.

— Да.

Сын встал и подошёл к балкону. Я подумала, что ему не хватает воздуха, и хотела открыть вторую створку, но он просто стоял, глядя вниз. Под окнами женщина вела маленькую собаку; собака упиралась, женщина ждала. Я смотрела туда же, хотя они были слишком далеко, чтобы разглядеть лица.

— Сколько таких сообщений? — спросил Савелий.

— Не знаю.

— Ты можешь хотя бы не говорить «не знаю», если знаешь?

— Я правда не считала. На дни рождения иногда. Когда ты поступил. Когда работу нашёл. Я не каждый раз писала.

— А когда не ты?

Я перебирала в памяти поздравления Артёма. Короткие «с праздником, сын», открытки, пересланные картинки.

Один раз он прислал голосовое из машины, рассказал, как у него самого тряслись руки перед первым рабочим днём. Это точно был он: я не знала той истории и даже удивилась, что он запомнил своё волнение.

— Голосовые — его. И короткие сообщения. Были его.

— То есть всё нормальное писала ты?

— Нет. Не надо так.

Я сказала резко. Сын повернулся. Мне стало страшно, что сейчас я начну защищать Артёма уже не по привычке, а потому что не смогу вынести собственную долю.

— Я не могу разделить по памяти, — добавила я. — Там, в телефоне, видно, что писала я. Остальное спроси у него.

— Я спрошу.

Он сел обратно, но дальше от меня. Телефон лежал на столе экраном вниз. Я смотрела на потёртый чехол и вспоминала, как сама купила его на рынке, выбрала самый дешёвый, потому что аппарат старый. Тогда мне было сорок, развод уже состоялся, и я пыталась сделать вид, что у нас с сыном начинается спокойная жизнь. Вечером мы ели макароны с сыром, Артём заезжал за оставшимися вещами. Я вручила ему пакет и напомнила, что в субботу у Савы выступление в колледже. Он сказал, что помнит. Я знала, что не помнит, потому что впервые сообщала.

— Ты его просила, а он просто копировал? — спросил сын.

— Да.

— А он хоть читал?

— Не знаю.

— Хорошо.

Он произнёс это не как согласие. Скорее как человек, которому наконец перестали выдавать предположение за ответ.

Я поднялась и пошла в кухню за водой. Достала два стакана, налила из фильтра. В одном стекло было толще, в другом тоньше; я оставила себе тот, на котором у края едва заметно щербилось стекло. Раньше я автоматически убирала его подальше от сына. Теперь подумала, что стакан давно надо выбросить, а не хранить специально для себя.

Когда я вернулась, Савелий сидел, наклонившись вперёд, локти на коленях. Я поставила воду перед ним.

— Я боялась, что ты будешь думать, будто тебя бросили, — сказала я. — После развода. Он и до того часто не приезжал, но тогда хотя бы жил дома. А потом… Мне казалось, если он будет писать, ты поймёшь, что всё равно ему нужен.

— Я это и понял.

Я посмотрела на него.

— Я думал, он словами не умеет, — продолжил сын. — Лично. Что ему проще написать. Поэтому не спрашивал, когда он при встрече делал вид, что ничего такого не было. Я думал, ему неловко.

Мне стало стыдно так сильно, что захотелось перебить его любой фразой. Сказать, что я всё равно любила, что сообщения были правдой хотя бы для меня, что он не вырос несчаст-

ным. Я взяла стакан обеими руками и не сказала ничего.

— Эле я показывал одно, — сказал он. — Когда мы начали жить вместе. Сказал: вот мой отец, он редко бывает рядом, но я знаю, что на него можно рассчитывать. Она ещё спросила, почему мы мало видимся. Я объяснил. Твоими словами, наверное.

Я не знала, куда смотреть. Впервые моё объяснение оказалось за пределами нашей квартиры, в их жизни, куда я не приглашала его сознательно. И от этого не становилось менее моим.

— Прости, — сказала я.

Савелий молчал. Потом выпил воду до половины и поставил стакан на стол.

— Я пока не могу.

— Я понимаю.

Он посмотрел на меня устало.

— Не уверен.

Я не стала доказывать, что понимаю. Он забрал телефон, сказал, что хочет ещё посмотреть даты, и спросил, могу ли я оставить его у него на несколько дней. Я разрешила. Не потому, что теперь всё содержимое моей жизни принадлежало ему, а потому, что сама начала этот разговор за много лет до него и не имела права обрывать на том месте, где мне стало неприятно.

У двери он остановился.

— Там есть что-то ещё, что я должен знать до того, как

сам найду?

Я вспомнила рыбу, выступление, письма, которые он не видел. Вспомнила и то, как однажды сказала Артёму, что Сава занят, хотя сын сидел дома. Я тогда сама была на него зла и не хотела отпускать мальчика на обещанную поездку. Об этом я ещё не могла говорить.

— Есть, — сказала я. — Но мне надо разобраться. Не чтобы придумать. Чтобы не перепутать.

Сын долго смотрел на меня, потом кивнул.

— Ладно. Только не с ним сначала согласовывай.

Я закрыла за ним дверь и осталась в прихожей. На тумбочке лежала зарядка, которую он всё-таки вынул из кармана и забыл. Я сфотографировала её, отправила ему. Он ответил: «Завтра заберу». Я впервые за вечер смогла выдохнуть, но почти сразу поняла, что радуюсь не примирению. Всего лишь тому, что у него ещё был повод вернуться.

Глава 5. То, чего он не говорил

На следующий день у меня был выходной. Я собиралась вымыть кухонное окно до жары, но в девять всё ещё сидела за столом в домашнем халате. На подоконнике стоял таз с водой, тряпка намокла и опустилась на дно. Я достала из шкафа старую тетрадь, открыла чистую страницу и написала: «Велосипед».

Потом — «Дрель». Потом — «Поздравления».

Три слова выглядели так, будто я составляла список покупок. Я попыталась дописать даты и поняла, что не помню точно. Велосипед был до школы или в первое школьное лето? Сава на фотографии стоял в клетчатой рубашке, которую ему привезла Марина. Я могла позвонить ей, спросить. Но тогда пришлось бы объяснить зачем, и я не хотела ещё одного человека в этом разговоре.

Дрель я помнила лучше велосипеда. Сава тогда уже работал понемногу, приносил домой деньги, которые я старалась не брать. Он сердился: говорил, что живёт здесь и ест здесь, почему всё должна покупать я. Я отвечала, что пусть себе откладывает. Деньги всё равно оставлял на столе. Иногда я потом незаметно клала часть обратно ему в куртку, и он находил, возвращал. Мы могли несколько дней передавать одну и ту же сумму, не называя того, из-за чего спорили.

Инструмент он выбирал сам для себя, не в магазине, а дол-

го смотрел характеристики, сравнивал. Я плохо понимала, что ему нужно. Слышала только, что старым неудобно, что хороший стоит дорого, что пока подождёт. Запомнила цвет и название, попросила показать ещё раз, будто из любопытства. Он показал и сразу сказал, чтобы я не покупала.

— Мам, я сам накоплю.

— Я просто спросила.

В тот момент я уже решила подарить. Не от Артёма, сначала от себя. Хотела увидеть, как Сава откроет чемоданчик, поймёт, что я запомнила, обрадуется. Это желание я потом вычеркнула из рассказа про помощь отцу. Удобнее было помнить, что он попросил, а я выполнила, чем собственную несостоявшуюся радость.

Артём позвонил за несколько дней до дня рождения. Спросил, что купить. Я рассказала про дрель. Он уточнил цену, помолчал, сказал, что нормально, можно. Попросил меня взять, потому что я знаю, какую. Я действительно знала название, а он не знал. Это было первое маленькое основание, из которого легко выросло всё остальное.

В магазин поехала после смены. Устала, хотела быстрее купить и вернуться. Продавец принёс коробку, начал рассказывать, что внутри. Я перебивала вопросами не о том, что он объяснял: боялась взять не ту. Достала бумажку с названием. Он сравнил, сказал, что всё правильно, показал надпись на корпусе.

— Сыну? — спросил он.

— Да. Двадцать лет.

— Сам пользуется?

Я ответила, что пользуется. Почувствовала гордость, как будто лично научила его разбираться во всём этом. На самом деле он знал больше меня и давно находил ответы без моей помощи.

Мне предложили соседнюю модель, чуть дороже. Я не стала выбирать за Саву ещё и это. Взяла ту, которую он показывал. У кассы позвонила Артёму уточнить деньги, он не ответил. Я подождала несколько минут, потом заплатила сама. Покупку уже вынесли, впереди стояли люди, и мне стало неловко сказать, что я вернусь позже.

На улице коробка казалась слишком тяжёлой для короткой дороги до остановки. Я несколько раз меняла руку. Пакет тянул пальцы, на предплечье осталась красная полоса. Мне хотелось кому-нибудь сказать, что купила хороший подарок. Позвонила Марине. Сестра спросила, сколько стоил, потом сказала:

— Только пусть он тебе сразу вернёт.

— Вернёт.

Я ответила уверенно, хотя Артём ещё не перезвонил. Потом он перевёл часть, сказал, что остаток позже. К тому времени Сава уже распаковал подарок, и мне не хотелось снова делать из него финансовое дело. Так я объясняла себе собственное молчание. Но можно было не обсуждать деньги с сыном и всё равно спросить их у отца. Я просто не спросила.

В день рождения Артём сидел рядом с Савой, открывал защёлки, показывал, как удобно всё уложено. Я стояла в дверях. Думала, что сейчас он скажет: мама помогла выбрать. Он рассказал про продавца и сравнение моделей. Частично это было похоже на то, что я сама ему пересказала по телефону. Он говорил уверенно, а Сава слушал.

Я не остановила. Позже принесла тарелки, позвала к столу. Сын обнял отца и сказал спасибо. Меня тоже обнял, за еду, за праздник, за то, что всё приготовила. Я улыбалась и почему-то обижалась, хотя сама распределила роли именно так.

Теперь передо мной лежала тетрадь. Я дописала возле слова «Дрель»: «Знала, какую он хочет». Посмотрела и зачеркнула. Это снова было похоже на попытку получить свою долю благодарности. Ни название, ни дорога с коробкой не отвечали на вопрос Савы: почему я позволила ему верить в чужой выбор.

Я перевернула страницу. Вместо вещей написала: «Что я сказала». Под этим заголовком рука остановилась надолго.

В одиннадцать позвонила Эльвира. Я ответила сразу, хотя собиралась выдержать хотя бы несколько гудков, чтобы не было заметно, что жду.

— Тамара, вы сегодня дома?

— Да. Сава с тобой?

— Он на работе. Я хотела заехать за списком, который вы оставили у себя. Там ваши родственники, я боюсь фамилии

перепутать.

— Приезжай. Я тебе обед приготовлю.

— Не надо, я ненадолго.

Я всё равно достала суп. Налила в маленькую кастрюлю, поставила на плиту, потом выключила. Эля сказала «не надо» ясно, без приглашения переубедить. Но мне было трудно ждать человека, не готовя для него хоть что-нибудь.

Она пришла ближе к полудню, в светлой рубашке, с ноутбуком в рюкзаке. На улице уже стало жарко, у неё покраснели щёки. Я предложила воды со льдом. Она согласилась, и это небольшое согласие оказалось важнее, чем я ожидала.

Мы сели на кухне. Я передала ей лист с фамилиями, объяснила, кто с кем приедет. Эля поставила возле двух имён маленькие галочки.

— Марина с мужем?

— Одна. Он работает.

— Поняла.

Я хотела добавить, что Маринин муж вообще не любит праздники, но удержалась. Это не относилось к делу. Эля убрала лист в папку, а я поняла, что сейчас она встанет и уйдёт, так и не сказав о вчерашнем.

— Сава тебе рассказывал?

Она не сделала вид, что не понимает.

— Да.

— Я не хотела его обмануть.

Эля посмотрела на меня внимательно, без осуждающей

строгости, от которой можно было бы защищаться.

— А как вы хотели?

Я потёрла ладонью край стола. Там был маленький скол, который цеплял ткань, когда я вытирала поверхность.

— Чтобы ему было легче. Он всегда думал, что отец с ним не бывает из-за работы. Если бы понял, что можно было приехать, а тот не приехал… Он же ребёнком был.

— В сообщении про работу он уже не ребёнок.

— Знаю.

Я произнесла это слишком резко. Эля откинулась на спинку стула и взяла стакан. Лёд почти растаял.

— Я не хочу с вами спорить, — сказала она. — Правда. Но он вчера не спал. Ходил по комнате и вспоминал, что ещё могло быть не так. Я сказала, что можно спросить вас. Он ответил, что уже спрашивал.

Я не знала, что ей сказать. Хотелось попросить её убедить Саву, что я не враг. Она жила с ним, могла поговорить вечером, когда он устанет сердиться. Я даже начала:

— Ты ему объясни…

И остановилась.

Эля ждала.

— Нет, — сказала я. — Не объясняй. Я сама.

Она кивнула, но не похвалила меня за то, что я сумела остановиться. Я вдруг поняла, как часто ждала похвалы за отказ от того, чего вовсе не следовало просить.

— Вы не будете против, если мы пока не станем делать

слайд-шоу? — спросила она.

— Это из-за фотографий?

— Из-за всего. Он не хочет сейчас выбирать. И я не хочу, чтобы на свадьбе это стало обязательным номером.

— Конечно. Как хотите.

Я сказала легко, но внутри почувствовала обиду. Несколько вечеров перебирала альбомы, оттирала с обложек пыль, искала снимок, где Сава с отцом на лодке. Мне казалось, эти приготовления показывают, сколько у нас было хорошего. Теперь никто не хотел смотреть. Я понимала причину, но от понимания не становилась великодушнее.

Эля поставила стакан в мойку. Я сказала, что сама уберу. Она вымыла его всё равно, не споря, просто закончив движение. Мы постояли у раковины, две взрослые женщины, которым предстояло ещё долго находить расстояние друг до друга.

— Он вас любит, — сказала Эля.

Я чуть не заплакала от этих четырёх слов. Но она продолжила:

— Только это сейчас не помогает ему понять, что делать.

Я кивнула. Она попрощалась, пообещала прислать окончательный список гостей и ушла на работу. У двери я не спросила, во сколько вернётся Савелий. Она не была обязана вести для меня его расписание.

Окно я вымыла после её ухода. Вода в тазу остыла, на дне плавала нитка от тряпки. Я стояла на табурете, держалась

одной рукой за раму и заметила, что снаружи на стекле остались следы прошлогодней сетки. Терла их долго и без особенного успеха. Потом слезла: в пятьдесят один год я ещё могла помыть окно, но не хотела падать только потому, что мне нужно было чем-то занять руки.

Савелий пришёл за зарядкой после шести. Я оставила её в прихожей, чтобы он мог взять и уйти. Он заметил это и спросил:

— Ты занята?

— Нет.

— Тогда я на минуту.

Мы снова сели на кухне. Я не включала чайник. На столе лежала тетрадь, и сын посмотрел на неё.

— Что это?

— Пытаюсь вспомнить. Что я тебе говорила за него.

— Можно?

Я подвинула тетрадь. Он прочёл три слова, перелистнул страницу, увидел заголовок и пустое место. Мне стало стыдно, что за день я не продвинулась дальше.

— Я не тороплю тебя по минутам, — сказал он. — Только не пиши список, сколько потратила.

— Я не собиралась.

Он посмотрел на слово «дрель», и я поняла, почему решил иначе.

— Деньги тут ни при чём, — добавила я. — То есть они были, конечно. Но ты прав, не в них дело.

Сын закрыл тетрадь. Он выглядел уставшим, на висках волосы потемнели от пота. Я всё-таки предложила суп. Он согласился. Пока я разогревала, он сидел молча, глядя на подоконник. Я чувствовала прежнее облегчение: человек ест у меня, значит, ещё не всё разрушено. И тут же одёрнула себя. Суп ничего не доказывал. Он просто был голоден.

— Я завтра с ним встречусь, — сказал Савелий.

— С папой?

— Да.

— Где?

Он поднял глаза, и я поспешила добавить:

— Просто спрашиваю.

— В магазине. Он костюм собирался смотреть. Я сказал, что приеду.

Артём умел выбирать одежду лучше, чем я. Он не покупал дорогого без нужды, но любил, чтобы пиджак сидел хорошо и обувь выглядела новой. Я представила их рядом у зеркала и снова захотела вмешаться: предупредить, что Савелий знает, попросить не говорить глупостей, объяснить, как лучше начать. Вчера сын отдельно попросил этого не делать.

— Хорошо, — сказала я.

— Ты ему звонила?

— Нет.

Савелий кивнул. На этот раз я смогла ответить без оговорок.

Он доел суп и сам отнёс тарелку в мойку. Я стояла рядом

с плитой, не мешала. Потом он спросил:

— Когда я ногу сломал, он правда был в рейсе? Ты говорила, не может приехать.

Артём никогда не работал водителем на дальних рейсах, но его поездки мы дома называли именно так. Сава сломал ногу в двенадцать лет, неудачно спрыгнув с гаража. Мы сидели в приёмном отделении, он белел от боли и старался не плакать. Артём был в городе, на дне рождения у знакомого. Я звонила ему, он сказал, что выпил и не сможет сесть за руль. Я предложила такси. Он ответил: «Вы уже там, я чем помогу?»

— Нет, — сказала я. — Он был в Саратове.

Сын отвернулся к мойке.

— Понятно.

— Он не мог вести машину. Но мог приехать иначе. Я ему звонила.

— А мне сказала, что связи нет.

— Да.

Он поставил тарелку в сушилку и долго вытирал руки. Я не просила прощения второй раз за два дня. Не потому, что не сожалела. Мне казалось, я начну требовать от него ответа на просьбу, если буду повторять её при каждом новом случае.

— Я тогда боялся, — сказал он. — Не ноги. Что вы меня ругать будете. А ты сказала, папа передал, что главное — я целый.

Это действительно сказала я. Сидела рядом, держала пакет с его кроссовком, пыталась придумать, как донести сына от такси до подъезда. Мне хотелось, чтобы хотя бы один из нас был для него спокойным, добрым человеком, а я сама дрожала и злилась от страха.

Я вспомнила тот коридор не весь сразу. Сначала — его кроссовок у себя в пакете. Шнурок свисал наружу, цеплялся за ручку. Потом куртку на моих коленях: Сава замёрз, я сняла свою и накрыла ему плечи, а он всё время её спихивал, потому что неудобно было сидеть. Я сердилась и поправляла. Он говорил, что ему не надо, но потом всё-таки просил накрыть снова.

Мы ждали. Я не помнила, сколько. Позднее рассказывала, что долго, и от каждого рассказа ожидание будто удлинялось. Теперь не стала бы называть ни часа, ни двух. На стене были часы, я на них смотрела, но цифр не сохранила.

Сава спросил про отца один раз, пока я говорила по телефону, потом ещё, когда вернулась. Я сказала, что связи нет. На самом деле Артём ответил почти сразу. На заднем плане кто-то смеялся, я расслышала музыку и позвякивание посуды. Его голос не был ни испуганным, ни совсем равнодушным. Он спрашивал, сильно ли, где мы, что сказали. Я отвечала и ждала, когда он скажет, что едет.

Он этого не сказал.

После звонка я некоторое время стояла возле окна. Стекло было тёмное, в нём отражалась моя блузка под расстёгну-

той кофтой. Я вышла из дома как была, не взяла запасных носков сыну, зато зачем-то сунула в сумку пачку салфеток. Протёрла лицо одной, от неё остался бумажный катышек на щеке. Я увидела его в отражении и долго пыталась снять.

Когда вернулась, рядом с Савой сидела женщина, которую я не знала. Она подала ему бутылку воды, он отказался. Увидев меня, сказала, что мальчик спрашивал, далеко ли я. Я поблагодарила, села. Сава сразу спросил:

— Папа едет?

Я могла сказать, что не едет. Могла сказать, что он выпил, что мы сами доберёмся, что я рядом. Но увидела, как сын старается не смотреть на ногу, и выбрала другое.

— Он далеко, Сава. Там связь плохая.

— А ты ему сказала?

Я ответила, что сказала. Даже не заметила, что одно не сходится с другим: связи нет, но я всё передала. Сын не стал проверять. Ему было двенадцать, у него болела нога, он сидел под моей курткой и ждал, пока взрослые решат, что делать дальше.

В какой-то момент я начала его ругать. Не громко, не с криком. Говорила, что сколько раз запрещала лезть на гаражи, что там можно упасть хуже, что он должен был думать. Сава смотрел мимо меня. С каждым моим словом становился тише. Я сама услышала, что говорю то, от чего ему сейчас не легче, и остановилась.

Вот тогда и появилась фраза про отца. Не после нового

звонка. Не потому, что Артём передумал и решил утешить сына. Я сидела рядом, ещё не остыв от собственного выговора, и сказала, будто передавала чужое:

— Папа сказал, главное, что ты целый.

Сава кивнул. Лицо у него немного изменилось. Я не знала, перестал ли он бояться, но говорить со мной ему стало легче. Он спросил, когда мы домой, можно ли будет завтра не идти в школу, где второй кроссовок. Я ответила на всё, что могла.

Позднее эта сцена в моей памяти стала историей о том, как я поддержала его, когда отец не приехал. Сейчас за кухонным столом сын напомнил то, что я убрала из удобного пересказа: добрые слова я отдала человеку, которого рядом не было, а себе оставила страх и ругань. Потом ещё обижалась, что папу любят за праздник, а меня воспринимают как вечные замечания.

Я не рассказала Саве весь этот коридор. Он стоял передо мной и спрашивал о нескольких словах. Про музыку на заднем плане, чужую женщину и бумажный катышек можно было говорить когда-нибудь отдельно, если понадобится. Не выставлять их сейчас перед ним, как доказательства того, что мне тоже было тяжело.

— Это были мои слова, Сава.

Он посмотрел на меня так, будто впервые услышал их правильно. На мгновение мне показалось, что сейчас он подойдёт, обнимет. Но он только кивнул и взял зарядку.

— Я пойду.

После его ухода я открыла тетрадь и под заголовком написала: «Когда ты сломал ногу, я сказала, что отец передал: главное — ты целый. Он этого не говорил. Это говорила я».

Я не добавила, как трудно мне было в ту ночь. Эта часть была правдой тоже, но к его вопросу не относилась.

Глава 6. Примерка

Артём приехал в среду вечером с чехлом для костюма. Я увидела его из окна, когда он доставал чехол с заднего сиденья, и сначала решила, что он всё-таки купил подарок Саве. Только в прихожей поняла: костюм был его собственный.

— Можно повесить? — спросил он.

Я показала на крючок. Он снял туфли, поставил их носками к стене. За одиннадцать лет после развода перестал знать, где у меня что лежит, но некоторые движения оставались прежними. Он вытянул руку к выключателю, который мы перенесли ещё до его ухода, и сам себя поправил.

— Сава был? — спросила я.

— Был. Поэтому и приехал.

Я отступила в кухню. Артём прошёл следом, сел на место сына. Мне захотелось попросить его пересесть, но это было бы нелепо: у нас на кухне всего четыре стула.

— Ты чего ему наговорила?

Я вытерла руки о полотенце, хотя они были сухими.

— Он тебе сам сказал.

— Он мне устроил допрос в магазине. При продавце. Про велосипед, про сообщения, про какую-то больницу. Я стою в брюках, женщина булавки держит, а он спрашивает, где я был лет десять назад.

— Пятнадцать. Ему двенадцать было.

— Какая разница, Тамар?

Я села напротив. Разница была небольшая. Не стоило прятаться в неё, когда Артём говорил о главном своим привычным способом: превращал неудобный разговор в вопрос о месте и времени.

— Он хотел услышать от тебя.

— И услышал. Я сказал, да, ты помогала. Все родители помогают друг другу. Я что, должен помнить каждую открытку?

— Это были не открытки.

Артём помолчал, разглядывая стол. На нём лежала моя тетрадь, закрытая. Я убрала её к себе на колени.

— Ты сама писала, — сказал он. — Я тебя не заставлял.

— Не заставлял.

Он ожидал спора и на секунду сбился.

— Ну вот. А теперь я один виноват.

— Я не сказала, что один.

— Он так понял.

— Что ты ему ответил про больницу?

Артём откинулся на спинку стула.

— Что не мог приехать.

— Почему?

— Ты знаешь почему. Я был выпивший.

— Такси уже существовали.

Он провёл ладонью по лицу. Я знала этот жест: он появлялся, когда разговор переставал быть для него полезным.

— Я деньги дал на лекарства. На костыли дал. Не надо изображать, что я вообще ничего не делал.

— Я не изображаю.

— Изображаешь. И ему теперь так кажется. Он говорит: «Я думал, ты обо мне думал». А я о чём думал? Я работал, чтобы вы жили.

Мне стало жарко. Окно было открыто, в кухню тянуло запахом жареного лука от соседей. Я вдруг вспомнила, что не ужинала, и это разозлило ещё сильнее: собственное тело продолжало требовать еды посреди разговора, к которому я готовилась много лет и всё равно оказалась не готова.

— Я тоже работала, — сказала я.

— Я не спорю.

— Ты сейчас сказал «чтобы вы жили». Мы жили не только на твои деньги.

Он поднял обе ладони, словно уступал мне дорогу.

— Хорошо. Мы оба работали. Что это меняет?

Я не ответила сразу. Хотела перечислить, что именно меняет: ночные смены, больничные, поездки в школу, отпуск, который я переносила трижды. Но Савелий вчера попросил не составлять счёт, и я вдруг поняла, что могу начать тот же счёт с Артёмом, а потом незаметно предъявить его сыну.

— Меняет то, что Сава спрашивает о другом. Он не отрицает деньги. Он спрашивает, почему ты не приезжал и почему читал ему мои слова как свои.

— Я не читал. Я отправлял.

Мы оба замолчали. Артём сам услышал, что сказал. Он поправил рукав рубашки, потянул его вниз, хотя ткань не задиралась.

— Я плохо пишу такие вещи, — произнёс он тише. — Ты знаешь. У меня получается сухо. Ты говорила: отправь нормально, ребёнку приятно будет. Я отправлял. Не потому, что мне плевать. Потому что у тебя лучше получалось.

Я знала. И когда-то именно так себе всё объясняла. Между человеком, который не умеет подобрать слова, и человеком, которому дают готовое чувство, была разница, но я не хотела её замечать.

— Ты мог сказать: мама помогла написать.

— А ты могла не предлагать.

— Могла.

Он посмотрел на меня пристально.

— Что с тобой? Ты со всем соглашаешься, а виноватым всё равно я остаюсь.

Я устала. Мне хотелось, чтобы он ушёл, и одновременно не хотелось отпускать: вдруг сейчас, после стольких лет, он произнесёт что-нибудь, что можно будет передать Саве без поправок. Я всё ещё ждала пригодного ответа, как ждала от него сообщения перед праздниками.

— Я не буду больше за тебя говорить, — сказала я.

— Да я и не прошу.

Телефон в его кармане зазвонил. Артём посмотрел на экран, отключил звук. Это было небольшое усилие, и я заме-

тила его. Раньше непременно оценила бы вслух: вот, он хотя бы не отвлекается. Теперь оставила при себе.

— Сава на меня смотрел так, будто я чужой, — сказал он. — Я ему предложил костюм тоже посмотреть. Он отказался. Говорит, купил уже. Почему не сказал? Я бы добавил денег на хороший.

— У него хороший.

— Ты видела?

— Нет.

Артём усмехнулся без веселья.

— Вот видишь.

Я хотела возразить, что сыну не требуется наше одобрение, чтобы купить себе одежду. Но услышала, как быстро разговор снова превращается в спор о том, кто из нас лучше знает Саву. Мы оба могли проиграть в нём и всё равно продолжать.

— Он взрослый, Артём.

— Я знаю.

— Тогда пусть сам покупает.

Артём поднялся, прошёл к раковине, открыл кран и вымыл руки без спроса. Я подала ему чистое полотенце. Он сказал спасибо. За этим простым словом внезапно возникла старая кухня, где мы жили втроём и ещё не знали, что расстанемся. Не всё было ложью. Он мог принести хлеб, когда я забывала; мог встать ночью к плачущему младенцу, если просыпался раньше меня; однажды три часа возился с двер-

цей шкафа, чтобы она не падала Саве на пальцы. Я не хотела теперь вычеркнуть и это ради понятного обвинения.

— Он помнит хорошее, — сказала я. — Поэтому ему сейчас больно.

Артём повесил полотенце на крючок.

— Ты ему это скажи.

Я закрыла глаза. Всего на секунду, как Савелий в понедельник.

— Сам скажи.

Он ушёл в прихожую, взял чехол с костюмом. Я пошла следом. На пороге он обернулся:

— Ты хоть не усугубляй. До свадьбы две с половиной недели. Потом разберёмся спокойно.

— Не обещаю.

— Тамар.

— Я не буду специально ничего устраивать. Но если он спросит, отвечу.

Артём посмотрел на меня так, будто я отказалась выполнить обычную, давно распределённую обязанность. Потом кивнул и вышел.

Я не позвонила Саве. Не пересказала слова про чужого человека, не предложила смягчить разговор. Только написала: «Папа заходил после вашей встречи. Я не знаю, как вы поговорили. Если захочешь рассказать, я дома».

Ответ пришёл поздно: «Не сейчас».

Я прочитала его в кровати, уже выключив свет. За окном

работал чей-то кондиционер, ровно гудел внешний блок. Раньше я раздражалась на этот звук. В ту ночь он помогал: было что-то, что продолжалось без моего участия и не требовало немедленно отвечать.

Я положила телефон на тумбочку и подумала о костюме в чехле. Артём приготовился к свадьбе. Я приготовила карточки, подшила платье, договорилась о сменах. Савелий готовился к браку. До этого вечера мне казалось, что мы все заняты одним делом.

Глава 7. Белые нитки

Марина велела мне не вертеться. Я стояла на низкой табуретке посреди её комнаты, в платье для свадьбы, и смотрела на своё отражение в дверце шкафа. Подол получился неровным. Я подшила его сама, разложив платье на столе, а на мне ткань с одной стороны поднималась выше. Сестра присела, придерживая край двумя пальцами.

— Ты здесь слишком забрала.

— По линейке мерила.

— Ты же не линейка. Постой ровно.

Я перестала втягивать живот. В зеркале появилась обычная женщина пятидесяти одного года, с сильными руками и усталым лицом. Платье было тёмно-синее, без блеска, с коротким рукавом. Я выбирала его долго, чтобы не выглядеть ни слишком нарядной, ни равнодушной к свадьбе. Теперь казалось, что все эти расчёты видны в каждой складке.

У Марины пахло утюгом и рассадой. Она держала на подоконнике несколько перцев для дачи, хотя сезон давно начался и муж говорил, что сажать их поздно. Марина собиралась посадить всё равно. Сколько я её знала, она не любила отказываться от уже выращенного.

— Сава тебе звонил? — спросила я.

— В воскресенье. Сказал, чтобы я альбом привезла, если у меня его детские фотографии есть.

— А потом?

— Нет. Что случилось?

Я смотрела на её склонённую голову. У пробора появились седые волосы; она не закрашивала их уже год, говорила, что устала. Мне хотелось ответить: ничего, просто спрашиваю. Так можно было остаться ещё на полчаса в обычном четверге, где сестра поправляет мне подол и потом пьёт со мной чай.

— Он узнал про сообщения.

Марина подняла глаза.

— Какие?

— Которые я за Артёма писала.

Сестра вынула булавку из ткани и положила её на крышку коробки.

— Ты до сих пор писала?

— Не до сих пор. Раньше. Последние годы почти нет.

— Почти?

— Марин, не начинай.

Она снова занялась подолом. Мне стало легче от того, что она не смотрит прямо на меня.

— Я не начинаю. Ты сама спросила.

Я постояла молча. Марина переставила две булавки, отошла, оценила длину и велела спуститься. Пока я переодевалась за дверью, она положила платье на стол. Белые нитки моей намётки виднелись изнутри. Я шила вечером после смены, при настольной лампе; тогда мне казалось, что полу-

чается аккуратно.

— Я думала, после развода ты прекратила, — сказала сестра.

— После развода как раз больше стало.

Марина посмотрела на меня, но ничего не ответила. Я села на диван и взяла подушку, потом положила обратно. В чужой комнате руки всё время искали занятие.

— Ты знала, — сказала я.

— Про подарки знала. Про сообщения — пару раз ты сама говорила. Я тебе ещё тогда сказала, что зря.

— Ты говорила про Артёма. Что он удобно устроился.

— Да. Я и сейчас так думаю.

— А про Саву?

Она перестала распарывать шов.

— Про Саву я не подумала. Честно. Мне казалось, главное, чтобы ты перестала на него работать.

Я неожиданно почувствовала благодарность. Сестра могла бы сказать, что всегда всё понимала, а я не слушала. Но она не стала присваивать себе эту предусмотрительность. Мы обе когда-то видели прежде всего Артёма: его удобство, его отсутствие, его умение уходить без скандала. Савелий оставался тем, ради кого мы спорили, но чьё собственное понимание редко спрашивали.

Марина принесла чай. Поставила передо мной чашку с отбитой ручкой, потом заметила и поменяла на целую. Я почти сказала, что мне всё равно, но промолчала. Вчера я выбро-

сила свой щербатый стакан. Завернула в газету, положила в мусор. Никакого облегчения не почувствовала, просто убрала негодную вещь.

— Что он говорит? — спросила Марина.

— Спрашивает, что было на самом деле. Я отвечаю, а он дальше спрашивает.

— Ну так…

— Я знаю. Имеет право. Только я не могу вспомнить всё сразу. Я ведь не сидела и не решала каждый раз: сейчас совру. Иногда просто говорила, что папа задержался, и всё. Потом это становилось правдой для всех.

Марина помешала чай, хотя сахар не положила.

— Ты и мне говорила, что задержался.

Я кивнула.

— Помню, на школьный праздник приехали вдвоём, — продолжила она. — Ты ещё просила меня не садиться на место рядом, он должен был успеть. Я час стояла у стены. Потом ноги заболели, ушла в коридор.

Я помнила тот праздник. Артём в тот день вообще не обещал прийти. Я попросила, он сказал, что посмотрит по обстоятельствам. Сава стоял у окна с бумажной бабочкой на рубашке и спрашивал каждые десять минут. Я ответила, что отец едет. Потом ещё раз. Потом мне уже пришлось держать для него место.

Мы приехали раньше остальных. Сава нёс в пакете сменную обувь и всё время спрашивал, не помнётся ли бабочка.

Ему прикололи её к рубашке в классе, булавка чуть тянула ткань. Я хотела поправить, он отодвинулся: учительница уже сделала как надо. В коридоре пахло мокрой одеждой и краской. На стенах висели рисунки, под каждым имя печатными буквами. Марина нашла Савин и позвала меня смотреть.

На рисунке были дерево, дом и несколько людей. Я не запомнила, кто именно. Зато хорошо помнила, как поправила подпись: бумажка отклеилась с одного края, я прижала её пальцем, потом попросила у дежурившей женщины кусочек скотча. Пока занималась этим, Сава успел снять куртку, переобуться и трижды сбегать к окну.

— Он туда машину поставит? — спросил он.

Во дворе было несколько свободных мест. Я сказала, что, наверное, туда. Это уже было продолжением истории: не «может прийти», а «где поставит машину». Сын выбрал глазами место, откуда отца будет видно раньше. Встал так, чтобы не мешать другим детям, и начал ждать.

Марина тогда ещё не знала, что ждёт вместе с ним. Она просто смотрела на рисунки. Спросила, успеет ли Артём. Я ответила, что едет. Сестра кивнула, больше не уточняла. Я говорила таким голосом, каким сообщают полученное известие, а не надежду.

В зале стулья стояли близко друг к другу. Сначала я поставила сумку на соседний, потом пришла женщина с мальчиком и спросила, свободно ли. Я сказала, что занято. Она прошла дальше. Марина уже собиралась сесть туда сама; я

попросила оставить отцу.

— Я ему уступлю, когда придёт.

— Не надо потом вставать посреди выступления.

Она осталась у стены. Я видела её всё время краем глаза: стояла, переступая с ноги на ногу, потом опёрлась плечом. Ей было неудобно, но она приехала ради Савы и не хотела со мной спорить.

Дети вошли в зал, стали неровной линией. Сава искал нас глазами, нашёл, улыбнулся. Потом посмотрел на пустой стул. Улыбка не исчезла сразу, просто рот закрылся. Я кивнула ему, будто между нами существовала договорённость, которой ещё следовало придерживаться.

Они пели. Я плохо помнила песню, только повторявшееся слово в конце строки. Сава открывал рот чуть позже остальных, смотрел на соседку, догонял. Я не слышала, фальшивит ли он. Всё время прислушивалась к двери за своей спиной. Когда она открывалась, я оборачивалась раньше, чем видела вошедшего. Ни разу это не был Артём.

Посреди праздника объявили короткий перерыв. Сава подошёл ко мне. Бабочка съехала набок.

— Он не успеет?

— Задерживается. Ничего, потом фотографии посмотрит.

— А что задерживает?

— Дела, Сава.

Я сказала это уже с раздражением. Мне хотелось, чтобы

ребёнок не спрашивал перед другими взрослыми, не заставлял повторять то, в чём я сама перестала быть уверена. Хотя уверенности не было с самого начала, только надежда, что Артём всё-таки придёт и подтвердит мои слова задним числом.

Марина принесла сыну воду. Он попил, спросил её, видела ли она его рисунок. Она сказала, что видела, начала спрашивать про дерево. Я почувствовала ревность: ей достался разговор о рисунке, мне — объяснение пустого стула. Сама же посадила между собой и ребёнком человека, которого в зале не было.

Во второй части праздника Сава почти не смотрел в нашу сторону. Я решила, что увлёкся. Может быть, так и было. Я не могла теперь восстановить его мысли по тому, как он держал руки. Помнила только, что фотография, которую потом поставила в альбом, получилась удачной: бабочка ровная, лицо серьёзное, край чужого плеча обрезан.

После выступления нам нужно было забрать куртку. В раздевалке толкались, дети смеялись, родители звали друг друга. Марина вышла вперёд, у неё действительно болели ноги. Я сказала Саве поторопиться, он не мог развязать мокрый узел на пакете. Я забрала пакет и развязала сама, сердито, слишком быстро.

Артём позвонил, когда мы уже шли к остановке. Я отошла на несколько шагов. Он спросил, закончили ли. Я сказала, что закончили. Он ответил, что не вышло освободиться. Я

не спросила, от чего. Потом не хотела возвращаться к Саве, который стоял рядом с Мариной и разглядывал что-то на асфальте.

— Папа сожалеет, — сказала я.

Я уже не помнила, произнёс ли Артём именно это. В моём рассказе оно осталось, как осталась бабочка на рубашке. Сава кивнул и пошёл рядом с тётей. А я несла сумку со сменной обувью и думала, что вечер получился тяжёлый, хотя праздник был хороший.

— Он не ехал, — сказала я.

Марина медленно поставила чашку.

— Совсем?

— Не знаю. Наверное, нет. Он не говорил, что едет.

— А ты знала, что мы ждём.

— Знала.

Сестра отвернулась к окну. Я впервые увидела, что эта история касается не только моего сына. Люди приносили стулья, откладывали еду, не занимали свободное место, спрашивали, позвонить ли ему ещё раз. Я распоряжалась их временем, чтобы моя версия продержалась до конца вечера.

— Мне было стыдно, — сказала я. — Что все видят. Что у других отцы сидят, а мой не приходит. То есть его. Савин.

Марина посмотрела на меня.

— Вот это я понимаю больше, чем «ребёнку так лучше».

Я не обиделась. Слова были неприятные, но точные. За многими моими объяснениями стояла не только забота о Са-

ве. Я не хотела быть женщиной, от которой ушли и к ребёнку которой не спешат. Не хотела, чтобы на меня смотрели с жалостью. Мне казалось, если Артём поздравляет сына красиво и покупает подарки, наш развод выглядит приличнее. Даже спустя одиннадцать лет.

Мы пили чай молча. В соседней комнате включился телевизор: Маринин муж вернулся с работы и, не заходя к нам, спросил, есть ли еда. Она ответила, где кастрюля. Он сам разогрел, погремел вилкой, сел. Я привыкла бы встать, помочь, спросить, как прошёл день. Марина осталась со мной. Это не означало, что их брак лучше моего бывшего. Просто у них было так.

— Ты Саве это скажешь? — спросила она.

— Скажу.

— Только не всё сразу на него выгружай. Он не обязан тебя утешать.

Я кивнула. В последнее время мне часто хотелось, чтобы кто-то заверил: я всё-таки хорошая мать. Я искала это у Эли, у Галины, у сына. И чем сильнее искала, тем меньше слышала, что они на самом деле говорят.

Марина закончила платье ближе к вечеру. Я примерила его ещё раз, теперь подол лёг ровно. В зеркале ничего больше не изменилось. Сестра сложила платье в пакет и сказала, что утюгом пройдётся потом, если я привезу его за день до свадьбы. Я поблагодарила и пообещала позвонить.

На улице было легче дышать. Я пошла до остановки пеш-

ком, хотя Марина предлагала вызвать такси. В сумке лежало платье, телефон, тетрадь, которую я взяла с собой и так и не достала. Возле маленького магазина мужчина держал дверь женщине с коляской; она сказала спасибо, не оборачиваясь. Я остановилась купить хлеб и долго выбирала между двумя одинаковыми батонами, пока продавщица не спросила, какой мне нужен.

Дома я повесила платье в шкаф. Телефон молчал. Написала Саве: «Сегодня говорила с Мариной. Я многое объясняла заботой о тебе, но ещё мне самой было стыдно за то, что отец не приходит. Я хочу это сказать тебе лично, когда сможешь».

Он прочёл через час. Ответа не было.

Я легла рано, но уснула только после полуночи. Мне снился школьный зал, в котором все стулья стояли спинками ко мне. Я искала один свободный и не находила, хотя людей не было. Проснувшись, я несколько секунд не понимала, где нахожусь. Потом увидела на дверце шкафа тёмный край платья и вспомнила.

Было четыре утра пятницы. До свадьбы оставалось пятнадцать дней. Я ещё не знала, что к вечеру буду считать не дни до праздника, а часы с последнего Савиного сообщения.

Глава 8. Утро без ответа

Эля позвонила мне в десять сорок. Я стояла у окна диспетчерской с кружкой воды и смотрела, как возле ремонтного бокса двое мужчин передвигают металлический стол. Один держал за край, другой за ножку, и стол всё время разворачивался боком. Я ответила, не успев подумать, почему она звонит в рабочее утро.

— Тамара, Сава у вас?

— Нет. А что?

Она помолчала, и я сразу убрала кружку с подоконника.

— Он утром ушёл. Сказал, что надо съездить. Я думала, к вам. Теперь телефон выключен.

— На работу же.

— У него сегодня отгул. Он ещё в начале недели договорился, мы собирались по свадебным делам.

Я вспомнила своё вчерашнее сообщение. Он прочёл его и не ответил. Вдруг решил приехать ко мне, увидел, что я на смене, обиделся? Мысль была нелепая: он знал мой график не лучше любого другого человека и мог позвонить. Но я сразу попыталась найти последовательность, в которой всё объяснялось без беды.

— Во сколько ушёл?

— Около семи. Я спала ещё. Он сказал через дверь, что вернётся не сейчас. Я не расслышала. Подумала, в магазин

или к вам.

— Что значит «не сейчас»?

— Тамара, я не знаю. Если бы знала, не звонила бы.

Её голос дрогнул. Я услышала это и перестала задавать вопросы так, будто она плохо заполнила заявку.

— Прости. Я ему наберу.

— Я уже много раз набирала.

— Всё равно попробую.

Я позвонила Саве. Женский голос сообщил, что абонент недоступен. Я набрала ещё раз, хотя ничего не могло измениться за несколько секунд. Затем написала: «Сава, где ты? Позвони мне».

На рабочем телефоне загорелась линия. Я взяла трубку, записала сообщение о задержке, переспросила номер машины. Голос водителя показался раздражённым, но это могло быть моё собственное напряжение. Я передала сведения дальше, положила ручку и увидела, что записала время в соседнюю строку.

Исправила сразу. Подписала исправление, как было положено у нас. Небольшая ошибка, ничего не случилось. Но мне стало страшно от того, что на работе я тоже могу начать достраивать реальность, вместо того чтобы слышать её.

Я попросила Галину подменить меня на десять минут. Она взглянула на лицо, не стала расспрашивать и села за стол. Я вышла в коридор, где пахло мокрой шваброй, и снова набрала Элю.

— Может, он к отцу поехал?

— Я не знаю. У меня его номера нет.

— Сейчас позвоню.

Артём ответил не сразу. На заднем плане работало радио, он был в машине.

— Сава у тебя?

— Нет. А должен?

— Он утром ушёл из дома, телефон выключен.

— Ну так зарядка села.

Я посмотрела на стену. Там висело объявление о переносе собрания, края листа загнулись от сквозняка.

— Артём, если он тебе позвонит, скажи, чтобы связался с Элей. И со мной.

— А что вы уже паникуете? Взрослый мужик. Может, надоели ему ваши приготовления.

— Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

Он помолчал.

— В среду злой ушёл. Но ничего такого не говорил.

— Какого такого?

— Ну что уедет. Ладно, я наберу его.

Я сказала спасибо и отключилась. Потом почувствовала злость: за что я благодарила? За звонок собственному сыну? Но сейчас мне было всё равно, кто и по какой причине поможет услышать его голос.

Эля написала, что дома нет маленькой спортивной сумки. Не чемодана, а той, с которой Сава ездил на объекты в

область. Пропали две футболки, зарядка от его нынешнего телефона и бритва. Паспорт он обычно носил с собой. Она перечислила вещи коротко, без выводов. Я прочла сообщение трижды. Сумка означала, что он собрался. Сумка означала, что случившееся, возможно, не было случайностью. Это должно было успокоить, но вместо этого я обиделась: он выбрал уйти и не сказать нам.

Я вернулась в диспетчерскую. Галина подняла глаза.

— Что?

— Сын не отвечает. Уехал куда-то.

— Давно?

— С утра.

Она кивнула, подвинула мне журнал, потом задержала руку.

— Ты можешь работать?

Я хотела ответить привычное «конечно». Вместо этого сказала:

— Пока да. Если хуже будет, скажу.

Галина осталась рядом дольше, чем ей требовалось. Не утешала, не предлагала объяснений. Проверила со мной последние отметки и ушла делать своё. Мне было легче от того, что она не делает вид, будто всё уже ясно.

Через некоторое время вернулся водитель, которому я утром записала время не в ту строку. Он вошёл с бумагой, остановился возле стола. Я подняла голову слишком резко.

— Тут у вас исправлено, — сказал он.

— Да. Я ошиблась строкой, сразу поправила.

Он положил бумагу передо мной. Не обвинял, просто хотел сверить. Я назвала время, он проверил свою запись и кивнул. Уходить не спешил, искал что-то в кармане.

— Вы мне ещё говорили уточнить по следующему выходу.

Я не помнила, что говорила. Посмотрела в журнал, нашла отметку. По ней всё было понятно: надо было передать ему ответ, когда вернётся. Он вернулся, а я смотрела на свой телефон.

— Сейчас, — сказала я.

Мне понадобилось меньше минуты. Я получила ответ, передала ему, повторила, чтобы он записал. Водитель поблагодарил и ушёл. Я положила свой телефон в сумку. Через тридцать секунд достала обратно: вдруг Сава напишет, а я не увижу. Положила экраном вниз рядом с журналом.

Галина увидела это движение.

— Тамар, тебе выйти надо?

— Нет.

— Ты на каждый звук дёргаешься.

— Если он ответит…

— Я поняла. Если ответит, возьмёшь трубку. А пока посмотри сюда.

Она придвинула мне лист. Я прочитала верхнюю строчку, потом вторую. Во второй стояла фамилия, которую я хорошо знала, но некоторое время не могла вспомнить лицо. Стало стыдно. Я работала здесь не первый год, умела разбираться

в чужой спешке и собственных недосыпах. Сейчас одно выключенное устройство забрало у меня почти всё внимание.

— Я пять минут посижу в коридоре, — сказала я.

Галина кивнула. Я взяла сумку, словно собиралась уходить, потом оставила её под столом. В коридоре на скамье лежала чужая куртка. Я подвинула её край, села. Телефон держала в руке.

Артём прислал: «У меня тоже недоступен». Я прочитала и набрала ему ответ: «А вчера ты ему звонил?» Стерла. Мы уже говорили, и ничего нового из этого вопроса не получилось бы. Написала только, чтобы сообщал, если Сава ответит.

На другом конце коридора хлопнула дверь. Мужчина, которого я знала в лицо, но не по имени, остановился, спросил, плохо ли мне. Я сказала, что нет, семейное. Он кивнул и пошёл дальше. Не стал вытягивать подробности. Я почувствовала благодарность и тут же страх: значит, видно, как я сижу. Видно любому, кто проходит мимо.

Позвонила Марина. Я не собиралась рассказывать ей про Саву, но она услышала голос и спросила сама. Я сказала, что он не отвечает с утра.

— Сколько раз звонила?

— Не знаю. Много.

— Может, выключил специально.

— А вдруг не специально?

Она помолчала.

— Эля что говорит?

Я рассказала про сумку. Марина предложила позвонить кому-нибудь из его знакомых. Я ответила, что Эля уже ищет, хотя не знала, кому она успела написать. Сестра спросила, нужен ли мне её муж, может, съездить куда-то проверить.

— Куда? — спросила я.

— Я не знаю. Поэтому и спрашиваю.

Мы помолчали. Я слышала, как у неё на кухне льётся вода. Обычный день у другого человека продолжался, и меня это злило. Я хотела, чтобы она сама назвала нужное место, нашла номер, сделала то, что я не могла придумать. Вместо этого Марина предлагала помощь, у которой не было адреса.

— Пока никуда, — сказала я. — Я после смены к Эле поеду.

— Хочешь, с тобой?

Я представила нас вдвоём на пороге: две женщины с вопросами, обе старше Эли, обе родственницы человека, который оставил её одну. Эля не звала даже меня.

— Не надо. Если что узнаю, напишу.

— Напиши обязательно. Я же теперь тоже жду.

— Да.

Я отключилась. Получилось ещё одно обещание, которое надо было выполнить. В телефонной книжке под Мариной шёл знакомый номер мастера, чинившего мне стиральную машину. Я некоторое время смотрела на него, не понимая, зачем открыла контакты. Закрыла экран.

Когда вернулась, Галина показала, что сделала за эти минуты. Я села, повторила вслух, что нужно дальше. Она поправила одну фамилию. Я снова произнесла её, уже правильно.

— Спасибо, — сказала я.

— Потом поешь. У тебя контейнер так и стоит.

Я пообещала и действительно поела, когда освободилась. Еда казалась сухой, пришлось запивать водой. Из комнаты я не выходила. Телефон лежал рядом, и каждый раз, когда экран загорался от чужого сообщения, я чувствовала сначала облегчение, а потом злость.

Галина села рядом со своей чашкой. Мы не говорили о Саве. Она спросила, переставили ли нам встречу, о которой висело объявление в коридоре. Я сказала, что читала, но дату не помню. Она пошла посмотреть сама. Вернулась, назвала число. Я записала на листке. Это было маленькое дело, которое можно было закончить, и я закончила его.

До конца смены я звонила Саве каждый час. Потом каждые полчаса. Сообщения не доставлялись. Эля тоже молчала: она написала, что ей надо провести рабочий звонок, и попросила сообщить сразу, если что-нибудь узнаю. Мне хотелось, чтобы она бросила работу и занималась только Савой. Я понимала несправедливость этого желания, но не могла его отменить.

После смены я поехала к ним. Эля не звала; я сама сказала, что заеду. Она ответила: «Хорошо». Их квартира была в

доме, где я всякий раз путалась между двумя одинаковыми подъездами. В этот раз ошиблась снова, поднялась на ступени, посмотрела на номер и спустилась. На улице дети катались на самокатах. Один мальчик едва не задел меня рулём, извинился, не останавливаясь. Я пошла медленнее.

Эля открыла в домашних брюках и той же рубашке, в которой была у меня. На столе стоял ноутбук, рядом лежали листы с рассадкой гостей. В комнате было прибрано. Я ожидала беспорядка, открытых шкафов, вещей на полу — следов чужого ухода. Но Сава взял сумку аккуратно.

— Ты ела? — спросила я.

— Да.

— Что?

Она посмотрела на меня, и я замолчала.

Мы прошли в кухню. На сушилке стояли две чашки. У двери висела Савина рабочая куртка. Я коснулась рукава, как будто могла определить по нему, когда он ушёл, и сразу убрала руку.

— Он тебе ничего не сказал вчера? — спросила я.

Эля села. Некоторое время смотрела в стол.

— Сказал, что не понимает, зачем вообще жениться, если люди могут так жить и называть это семьёй.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Это он про нас с Артёмом.

— Я поняла, про кого. Только я с ним живу. И свадьба у нас.

— Что ты ответила?

— Что я не вы. И он не его отец. А потом спросила, хочет ли он жениться на мне. Он сказал, что хочет. Но ему надо подумать.

— И ты отпустила?

Эля подняла голову. В её лице появилось что-то жёсткое, чего раньше я не видела.

— Я не сторож, Тамара.

Я сразу пожалела о вопросе.

— Я не это имела в виду.

— А прозвучало так.

Мы сидели молча. На холодильнике висел магнит из поездки, где они были прошлой осенью. Я его не рассматривала раньше: маленький дом, берег, надпись, которую с моего места не разобрать. У них было прошлое, в котором я не участвовала, и будущее, которое не могла устроить. Но в тот день я всё ещё пыталась найти действие, от которого сын немедленно вернётся, а Эля снова станет спокойной.

— Он у Дениса может быть, — сказала я.

— Может. Я написала ему, ответа пока нет.

Денис Белов работал с Савой раньше, потом уехал из города и вернулся в область, жил за Волгой. Я встречала его дважды, помнила широкие плечи, негромкий голос и то, что он снимал обувь у двери, не дожидаясь просьбы. Номера у меня не было.

— Дай мне, я позвоню.

Эля некоторое время смотрела на экран своего телефона. Потом продиктовала номер.

Я сохранила его и набрала сразу. Длинные гудки шли один за другим. Никто не отвечал.

Когда звонок оборвался, я впервые за день не стала набирать снова. Посмотрела на Элю. Она сидела передо мной с прямой спиной и сжимала пальцами край рукава. Ей тоже было страшно. И ещё она была зла — не на прошлое, которое мы создали, а на человека, который утром вышел из их общей квартиры, оставив ей гадать.

— Я останусь ненадолго, — сказала я. — Если ты не против.

Она кивнула. Я налила нам воды и села напротив. Телефоны лежали между нами. Мы обе смотрели на них и старались не замечать этого друг у друга.

Глава 9. Кому звонить

К семи вечера у меня на листке было шесть имён. Двоим я уже позвонила, возле третьего поставила вопросительный знак, остальных собиралась найти через Савины старые контакты. Эля смотрела, как я пишу, и ничего не говорила. Она принесла из комнаты зарядное устройство, подключила к нему свой телефон и оставила его на столе.

Первым ответил Павел, с которым Сава когда-то работал на монтаже. Он узнал меня не сразу. Я сказала, что я мама Савелия Лозинского, и только тогда услышала в его голосе понимание.

— С ним всё нормально?

Я могла сказать, что не знаю. Вместо этого ответила:

— Да, просто не могу дозвониться. Ты его сегодня не видел?

Эля подняла на меня глаза.

Павел не видел. Они давно работали в разных местах, иногда переписывались. Он спросил, надо ли ему тоже позвонить. Я сказала, что надо, и попросила сообщить мне, если ответит. Когда разговор закончился, Эля спросила:

— Зачем вы сказали, что всё нормально?

— Чтобы не пугать человека.

— А вы знаете?

Я посмотрела на список. Буквы у меня становились мель-

че к концу строки, как всегда, когда я торопилась.

— Не знаю.

— Тогда так и скажите.

В её голосе было нетерпение. Я почувствовала укол: легко ей судить, она не прожила с ребёнком двадцать семь лет. Почти сразу стало стыдно за эту мысль. Она прожила с ним последние два года, которых я знала меньше, чем мне казалось. И сегодня осталась в квартире, из которой он ушёл.

Я перезвонила Павлу. Он ответил быстро, испугавшись нового звонка.

— Я неточно сказала, — произнесла я. — Мы не знаем, всё ли нормально. С утра не отвечает. Он собрал вещи и, похоже, уехал. Если выйдет на связь, попроси сообщить, что в безопасности. Не надо его никуда везти. Просто пусть напишет.

Павел сказал, что понял. Я поблагодарила. На этот раз не стала добавлять, что ничего страшного, скорее всего, не случилось.

Второй номер принадлежал женщине, у которой Сава когда-то снимал комнату. Я нашла его в своём телефоне, хотя договор давно закончился. Она удивилась, вспомнила сына, сказала, что с Нового года его не видела. Предложила позвонить соседу, который иногда встречал его возле гаражей. Я почти согласилась, но Эля покачала головой.

— Пока не надо, — сказала я. — Спасибо.

Когда отключилась, повернулась к ней:

— А если он там?

— Тогда сосед его увидит. Мы сейчас поднимем людей, которые вообще не знают, что происходит.

— А что происходит, Эля?

Она отвела взгляд.

— Я не знаю. Но я не хочу, чтобы завтра все его знакомые обсуждали, как жених сбежал перед свадьбой.

— Мне не до обсуждений.

— Мне тоже не до них. Только потом нам с этим жить.

Я хотела сказать, что главное — найти, а всё остальное потом. Это были привычные, хорошие слова, которыми можно было закрыть любое возражение. Но сын взял бритву и зарядку. Он ушёл сам. Тревога не исчезала от этого, однако мы должны были учитывать и такую возможность: ему сейчас не нужна была толпа знакомых у двери.

Я перечеркнула два имени, которые собиралась искать через третьих людей. Оставила Дениса и одного близкого друга, которого Эля знала лично. Его номер она набрала сама. Они поговорили недолго. Друг был в другом городе, с Савой сегодня не общался, но обещал написать.

Артём позвонил в половине восьмого.

— Есть новости?

— Нет. Ты дозвонился?

— Недоступен. Я же говорил. Скорее всего, зарядка.

— Он взял зарядку с собой.

— Значит, выключил. Тамар, не надо делать из этого бед-

ствие. Парень решил проветриться.

Я встала и отошла к окну. Эля оставалась за столом, слышала мою половину разговора.

— Ты можешь приехать? — спросила я.

— Куда?

— К ним. Я у Эли.

Артём помолчал.

— А что я там буду делать? Сидеть? Если появится, я приеду, поговорю.

Я смотрела на стекло, в котором отражалось моё лицо. Оно казалось старше обычного, но это был просто вечерний свет.

— Ладно, — сказала я.

— Ты ему напиши, что я волнуюсь.

Я закрыла глаза.

— Напиши сам.

— Я написал. Может, от тебя скорее прочитает.

— Не знаю.

Артём вздохнул, попрощался. Я вернулась к столу. Эля спросила, что он сказал. Я ответила: «Тоже не дозвонился». Остальное передавать не стала — не для защиты Артёма, а потому что его нежелание сидеть рядом с нами сейчас ничего не меняло в поиске. Но я знала, как тонка эта разница, и не была уверена, что не прячусь за ней.

Мы поели ближе к восьми. Эля достала из холодильника контейнер с рисом и овощами, разогрела на сковороде.

Я предложила пожарить яйца. Она согласилась. Несколько минут мы действовали рядом, не обсуждая Саву: она ставила тарелки, я переворачивала яйца, чтобы желток схватился, как любила сама. Потом вспомнила и спросила, как любит она.

— Мне всё равно сейчас, — ответила Эля.

Я выключила плиту. Мы ели, держа телефоны возле тарелок. В какой-то момент ей позвонила мать. Эля посмотрела на экран и отошла в комнату. Я слышала только отдельные слова: «нет», «пока не надо», «я скажу». Мне захотелось поговорить с Ириной самой, объяснить, что Сава хороший, просто у него тяжёлый период. Я уже придумала первые две фразы, когда Эля вернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.